

Ю. ЛАУЧЮТЕ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ БАЛТИЗМЫ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

История народа, его экономические, социальные и культурные связи, как правило, получают отражение в языке и в первую очередь в лексике. Поскольку заимствования из одного языка в другой, как известно, обычно происходят при наличии более или менее тесных социальных, культурных и других связей между двумя народами, изучение заимствований имеет большое значение как для истории языка, так и для истории народа.

Изучение обоюдных заимствований в балтийских и славянских языках интересно тем, что характер отношений между этими двумя языковыми группами не ограничивается простым контактом географического характера. Близость языковой системы балтов и славян уже давно служит объектом пристального научного интереса¹. До сих пор не выявлены достоверные критерии, на основании которых можно было бы отличить древнейшие заимствования от исконно родственных слов. В этой ситуации легче можно выявить заимствования, имевшие место в сравнительно позднюю историческую эпоху; к исследованию балто-славянских заимствований обычно привлекаются слова, проникшие из славянских языков в балтийские (и наоборот), в основном, после XIII—XIV вв. н. э.

К настоящему времени изучение взаимных балтийских и славянских заимствований сложилось таким образом, что многое известно о славизмах в балтийских языках², но балтизмы в славянских языках исследованы недостаточно³.

¹ Ср. две противоположные точки зрения о характере древнейших балто-славянских языковых отношений, высказанные, например, А. Зенном (A. Sen n, Die Beziehungen des Baltischen zum Slavischen und Germanischen, KZ, 71, Hf. 3—4, 1954) или О. Н. Трубачевым («Ремесленная терминология в славянских языках», М., 1966, стр. 393), с одной стороны, с другой — В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым («К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков», в кн.: «Исследования по славянскому языкознанию», М., 1961, стр. 303—305), В. Пизани (V. P i s a n i, Rom und die Balten, «Baltistica», IV (1), 1968, стр. 13—14), Л. Оссовским («Западное Полесье — прародина славян», ВЯ, 1971, 1, стр. 112, 113) и др.

² Ср., например: А. В р ü c k n e r, Die slavischen Fremdwörter im Litauischen, Weimar, 1877; P. S k a r d ž i u s, Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen, Kaunas, 1931; В. И. К о с т е л ь н и ц к и й, Русско-литовские языковые связи по словарным материалам литовского языка. Канд. диссерт., Вильнюс, 1954.

³ Из монографий можно назвать лишь исследование К. Яблонского о литуанизмах в разного рода документах, которые велись на старобелорусском и старопольском языках на территории Великого княжества Литовского, главным образом, с XV в. См.: К. J a b l o n s k i s, Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos rašinių kalboje, Kaunas, 1941. Остальные работы — преимущественно журнальные статьи; из наиболее значительных см.: Е. Ф. К а р с к и й, К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие, РФВ, XLIX, 1903; J. O t r e b s k i, Lituanizmy słownikowe w dialekcie polskim na Wileńszczyźnie, «Język polski», XVI, 3, 1931; Е. В l e s e, Alcuni rapporti fra il bianco russo e le lingue baltiche, «Studi baltici», V, 1935—1936; А. А. В я р ж б о ў с к і, Беларуска-літоўскія лексічныя ўзаемазвязі. Канд. диссерт., Мінск, 1960; Т. Z d a n c e w i c z, Litewskie elementy słownikowe w gwargach polskich okolic Sejn, «Lingua posnaniensis», VIII, 1960; А. П. Н е л о к у п н и й, Українсько-балтійські студії, «Мовознавство», 1968, 6; сб. «Лексичныя балтызмы у беларускай мове», Мінск, 1969; V. U r b u t i s, Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai, «Baltistica», V (I), 1969; V (II), 1969; и др.

Хотя изучение славянских балтизмов ведется уже более 100 лет⁴, до сих пор даже приблизительно не известно общее количество балтийских заимствований в славянских языках, не выяснены и другие частные вопросы, связанные с процессом заимствования (фонетическая субституция, морфологическое оформление и т. д.), не говоря уже о распределении балтизмов на группы (заимствования, проникновения, субстратные слова и т. д.). Все эти вопросы могут быть освещены лишь тогда, когда исследователи смогут располагать как можно более полным собранием балтийских заимствований в славянских языках, отвлекаясь от выяснения их хронологии, распространения и т. д. Составление и обоснование списка по возможности всех славянских балтизмов должно предшествовать более детальному их исследованию.

Когда речь идет о балтизмах в славянских языках, в первую очередь имеются в виду заимствования из литовского языка. Образование Великого княжества Литовского, в состав которого входило немало восточнославянских земель, привело к тому, что наиболее широкие контакты восточные и западные славяне (главным образом, поляки, белорусы и русские) поддерживали с литовцами. Заимствования из латышского языка встречаются гораздо реже, а говорить о каком-нибудь значительном лексическом влиянии прусского, ятвяжского и других исчезнувших балтийских языков на славянские, по-видимому, не приходится. Балтизмы обнаруживаются чаще всего в польском и белорусском языках, реже в русском, еще реже в украинском и только в отдельных случаях в чешском языке.

Источником сведений об уже установленных балтизмах служили названные выше работы, а также исследования А. И. Соболевского, К. Буги, М. Фасмера, Э. Френкеля, Э. Смукловой, А. Сабалаяускаса и др. В качестве возможного источника заимствования в славянские языки до сих пор привлекалось около 1000 литовских и латышских слов. Однако среди них оказалось немало исконно славянских слов (белорусск. *крэсла*, русск. диалектн. *нетра*⁵ и др.) и даже заимствований из славянских языков в балтийские (ср. литов. *drigañtas* ← польск. *drygant*), а также слова, балтийское происхождение которых у многих исследователей вызывает сомнение и требует дополнительной аргументации (ср. *отава*, *лайба*). После исключения из общего списка подобных недостоверных слов оказалось, что из балтийских языков в славянские было заимствовано более 800 слов. Из них 27 слов было заимствовано сразу в четыре языка: в польский, белорусский, русский и украинский (*вентерь*, *гирса*, *деготь*, *гребяста*, *жлукто*, *евня*, *клуня*, *кови*, *склют* и др.). Число балтизмов, засвидетельствованных сразу в трех языках (например, в польском, белорусском и русском), составляет 54 слова. Сюда входят такие слова, как *арўд* «закром», *бйтник* «пчеловод», *буч* «вид рыболовной сети», *ваговать* «бороздить», *вэржа* «вид рыболовной сети», *гигель* «полевой хвощ», *кярэпла* «увалень», *клўмба* «обувь на деревянной подошве» и мн. др. Отмечено большое количество балтизмов, общих для белорусского и польского языков (215 слов), и значительно меньше — общих для белорусского и русского (20 слов) или для русского и польского языков (14 слов). Остальные слова балтийского происхождения встречаются лишь в каком-либо одном славянском языке.

подавляющее большинство балтизмов в славянских языках являются диалектизмами, которые не проникли в литературный язык. Это связано как с характером ареалов балтийских и славянских языков, так и со спо-

⁴ Впервые о балтизмах см.: F. Miklosich, Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen, Wien, 1867.

⁵ Далее диалектный характер слова не отмечается.

собом проникновения балтизмов. Если славизмы в литовский или латышский языки проникали и проникают как устным, так и письменным путем, то для балтизмов, в основном, характерен лишь один путь — устный. Далее, любое заимствованное слово, проникшее вначале лишь в один из литовских или латышских говоров, без особых затруднений могло распространиться на всей небольшой территории балтийских языков. Заимствованиям же в славянских языках для того, чтобы войти в литературный язык, необходимо распространиться на огромной (сравнительно с языком-источником) территории. Поэтому нередки случаи, когда балтизм в славянских языках охватывает территорию, большую, чем территории всех балтийских языков, но тем не менее он остается лишь узким диалектизмом.

Наибольшее количество балтизмов до сих пор было отмечено в польском языке — приблизительно 550 слов (здесь и в дальнейшем включаются балтизмы, встречающиеся также в других славянских языках). Часть из них (200 слов) засвидетельствована только в памятниках письменности; в современном разговорном польском языке эти слова, по известным нам материалам, следов не оставили. Около 50 слов засвидетельствовано только в тех польских говорах, которые находятся в окружении балтийских языков. Таким образом, в современных польских говорах на территории Польши засвидетельствовано около 300 слов балтийского происхождения.

Общее количество балтизмов в белорусском языке составляет приблизительно 430 слов⁶. В современных белорусских говорах на территории БССР отмечено около 240 балтизмов; слова балтийского происхождения, засвидетельствованные лишь в памятниках письменности, составляют 190 слов.

Естественно, что особенно много балтизмов встречается в говорах, находящихся в балтийском окружении. Так, из 180 русских балтизмов только в русских говорах в окружении балтийского населения (на территории Литовской и Латвийской ССР) отмечено около 60 слов.

В украинском языке количество балтизмов составляет 40 слов, в чешском языке слова балтийского происхождения встречаются лишь единично.

Особенность славянских балтизмов состоит в том, что почти все заимствования из балтийских языков своим источником имеют исконно балтийские слова. Случаев, когда балтийские языки являлись бы посредниками при заимствовании из других языков, крайне мало (примерно 10 слов). Иначе обстоит дело с балтийскими славизмами. Наряду с большим количеством исконно славянских слов в балтийских языках много таких славизмов, которые сами в славянских языках являются заимствованиями из греческого и латинского, германских, романских или тюркских языков.

Рассмотренный нами материал позволяет провести некоторые наблюдения по частным вопросам заимствования. Одним из таких вопросов является формальное освоение балтизмов — фонетическая субституция и морфологическое переоформление.

Фонетический тип заимствованных балтийских слов в основном близок к фонетическому облику слов, послуживших источником заимствования. Однако в некоторых случаях балтийские слова на славянской почве претерпели фонетические изменения, неоднородные по своим причи-

⁶ Их количество, видимо, следует увеличить. В связи с подготовкой этимологического словаря белорусского языка минские языковеды в последние годы проделали большую работу по выявлению новых балтизмов в говорах белорусского языка.

нам. В плане фонетической субституции можно выделить несколько типов фонетических изменений балтизмов в славянских языках.

1. И с т о р и ч е с к и м изменениям подверглись слова балтийского происхождения вследствие исторических изменений отдельных звуков, происшедших в сравнительно раннее время в славянских языках. К таким изменениям можно отнести, например, передачу литов. *a* через слав. *o* и литов. *o* через слав. *a* в балтизмах древней поры в словах типа польск. *poszor*, белорусск. *пошар* «корм» ← литов. *pāšaras* «то же», польск. *dyrwan*, белорусск. *дырван*, русск. *дырван* «паровое поле, залежь» ← литов. *dirvonas* «то же» и т. д. По-видимому, подобные заимствования имели место приблизительно в ту эпоху, когда в славянских языках различие между *a* и *o* было главным образом количественным (*ǫ* и *ā*). Тогда краткое литов. *ǎ* передавалось посредством краткого же слав. *ǫ*, а долгое литов. *ō* посредством слав. *ā*. В поздних заимствованиях, когда в славянских языках количественные различия между *a* и *o* стираются, литов. (балт.) *a* обычно передается посредством слав. *a*, а литов. *o* весьма часто через слав. *o* (в первую очередь — в ударном положении), ср. литов. *žagarai* «хворост» → польск. *żagar*, белорусск. *жага́ры*, литов. *amatōkas* «ученик ремесленной школы» → русск. *аматѳкас* «то же» (русские говоры Литовской ССР).

Правда, наличие обычных соответствий (балт. *ǎ* ~ слав. *ǫ*, балт. *o* ~ слав. *a*) в большом числе исконно родственных слов (литов. *pādas* — русск. *под*, литов. *sōdas* — русск. *сад*) могло сохранить силу и позже, и соответствующая передача гласных в заимствованиях могла осуществляться и в то время, когда количественное противопоставление гласных *ǫ* — *ā* было в славянских языках уже утрачено. Поэтому в хронологическом плане мы можем твердо говорить, что субституция типа *a* → *a* или *o* → *o* свидетельствует о позднем времени заимствования. В случае же передачи балт. *a* посредством слав. *o* (resp. *o* → *a*) вопрос о хронологии приходится решать с учетом иных факторов.

2. Д и а л е к т н ы м изменениям балтийские слова подвергаются постоянно, в зависимости от фонетических особенностей заимствующего славянского языка или диалекта. К таким изменениям можно отнести, например, передачу палатализованных балтийских *d* и *t* через польск. *dz*, с. Такая передача встречается и в белорусских балтизмах, ср. литов. *vėntėgīs* «рыболовный снаряд» → польск. *więcierz*, белорусск. *венцєрь* «то же» (но русск. *вентерь*), литов. *skilaidis* «сычуг» → польск. *skilaidź*, белорусск. *шкілэндзя* «вид свиной колбасы» и т. д. К диалектным изменениям можно отнести также передачу литов. *s* через белорусск. *ш*, ср. белорусск. *шкілэндзя*, литов. *skliūtas* «тесак, тесло» → белорусск. *шклют* «то же» (но русск. *склют*), литов. *krūsnis* «куча камней в поле» → белорусск. *крўшня* «то же» и др.

3. Изменения с и с т е м н о г о характера связаны с тем, что есть ряд балтийских звуков и звукосочетаний, которые не имеют точных или даже приблизительных соответствий в славянских языках. Так, в последних отсутствуют звуки, близкие к балт. *e* открытому, или дифтонги типа литов. *ai*, *uo*. Поэтому при передаче балт. *e* открытого в заимствованиях из балтийского были использованы все гласные славянских языков и звуки *e*, *'a*, хотя в отдельных языках наблюдаются и некоторые более закономерные способы передачи. Так, в польском языке балт. *e* передается чаще всего через *e*, *ie*, *a* (литов. *meškā* «медведь» → польск. *meszka* «то же», *kepūrė* «шапка» → польск. *kiepura*, *grebėstas* «решетина, обрешетка» → польск. *grabiasto* и т. д.), в белорусском — через *e* (литов. *kurmėlis* «кротик» → белорусск. *курмєль* «пескарь», *šėškas* «хорек» → *шєшка* «то же»), в русском через *e* и *'a* (литов. *šėškas* → русск. *шешок*, *ketūrka* «четырехугольная вставка в подмышке рубашки или в штанах для расши-

рения шага» → русск. *кятёрка* «то же», «ширинка»). Дифтонги *ai*, *io* обычно монофтонгизируются (литов. *šlainis* «бедро» → белорусск. *шлўнне*, русск. *шлўння*, укр. *шлўнок* «внутренности», литов. *kliūnas* «гумно, ток» → белорусск., русск., укр. *кльня*, польск. *kłunia*, *kłonia* «то же» и т. д.); дифтонг *ai* может еще передаваться и сочетанием *ov/ou* (ср. литов. *kaišas*, латыш. *kaišs* → польск. *kowsz*, русск., укр. *ковиш*, белорусск. *коўш*, литов. *laužas* «куча обломков» → белорусск. *лоўж(а)*, русск. *ловж* «куча хвороста»).

4. К разного рода нерегулярным изменениям можно отнести sporadически встречающееся озвончение глухих (*t* → *d*, *s* → *z*, *š* → *ž*) или наоборот, оглушение звонких согласных (литов. *g* → слав. *k*), явления метатезы (ср. литов. *kurmėlis* «кротик» → русск. *курмѣль/крумѣль*), пропуск согласного в начале или в середине слова (ср. литов. *praga* «брешь, щель, вылаз» → польск. *praga/spraga* «то же», белорусск. *прага* «то же»), появление нового звука, отсутствующего в балтийском источнике (ср. литов. *muštinis* «старинная литовская металлическая монета» → польск. *muksztyn* «рубль») и т. д.

Мы ограничились наиболее яркими и показательными случаями фонетических изменений середины и начала слова. Изменения конца слова обычно связаны с освоением средствами славянских языков морфологических особенностей балтийских слов. Так как среди славянских балтизмов наиболее многочисленную группу составляют имена существительные, здесь мы ограничимся наблюдениями над изменениями морфологического строения этих слов в славянских языках.

При передаче балтийской флексии с конечным *-s* (*-as*, *-is*, *-(i)us*) наблюдаются четыре основных возможности: а) балтийская флексия полностью отбрасывается, мужской род исконных балтийских слов сохраняется: *skliutas* «тесак, тесло» *склют* → «то же», *gėgėlis* «полевой хвощ» → *гигель* «то же», *būčius* «верша» → *буч* «то же» и т. д. Этот способ передачи является наиболее распространенным; б) отбрасывается только конечное *-s*, мужской род существительных меняется (на средний или женский): литов. *šūlas* → белорусск., русск., укр. *шудо*, литов. *žlūktas* «белье, приготовленное для стирки; стирка белья» → польск. *żłukta*, белорусск. *жлукта*, ст.-белорусск. *жлукто*, русск. *жлукта*, *жлукто* «бак для стирки белья» и т. д.; в) балтийские существительные женского рода на *-is* в славянских языках обычно меняют окончание на *-ia('a)*, изредка *-a* при сохранении рода: литов. *krūšnis* «куча камней в поле» → польск. *krušnia*, белорусск. *крушня* «то же», литов. *kūlšis* «бедро» → польск. *kulsza*, белорусск., русск., укр. *кўльша* «то же» и т. д.; г) балтийская флексия полностью сохраняется. Данный вариант обычно наблюдается в поздних заимствованиях, например: литов. *iūnagas* «кремень» → русск. (в говорах Литовской ССР) *тўтнагас* «то же», литов. *gūrklis* «зоб» → польск. *gurklis* «то же» и т. д.

Балтийская флексия *-a* у существительных женского рода в славянских языках обычно сохраняется (литов. *sūrta* «большая укладка снопов» → польск. *styrta*, белорусск. *сўрта*, русск. *сўрда́*, укр. *стўрта* «то же»). В немногочисленных случаях флексия *-a* отбрасывается и слово переходит в разряд существительных мужского рода: литов. *giūba* «вяз» → польск. *gab* «то же», литов. *išdaga* «выгоревшее место» → ст.-белорусск. *иждокг* «то же», и т. д. Флексия женского рода *-ė* в славянских заимствованиях обычно передается через *-(i)a ('a)* (литов. *pėlkė* «болото» → белорусск., русск., укр. *пелька* «то же», *pūnė* «сарай» → польск. *punia*, белорусск., русск. *пуня* «то же»). Иногда флексия *-ė* отбрасывается, ср. литов. *kūrpe*, др.-прусс. *kurpe* «башмак, ботинок» → польск. *kurp/kurp'* «то же», «лапоть», литов. *prietenė* «сени» → белорусск. *прымен*, *прымень*

«то же» и т. д. Возможны и другие способы изменения флексии балтийских существительных, но они менее распространены и не дают регулярных соответствий.

С точки зрения фонетической субституции балтизмов в славянских языках оказалось, что, кроме случаев передачи балт. *a*, *o*, балтизмы осваивались почти одинаково как в памятниках письменности, так и в говорах. Анализ же тематического распределения соответствующих балтизмов показывает, что между тематическими группами балтизмов в памятниках письменности и в разговорном языке наблюдаются определенные различия. Наконец, с точки зрения лексико-грамматической в памятниках письменности засвидетельствованы преимущественно имена (существительные, редко — прилагательные), глаголов же лишь несколько. Значительно больше глаголов среди лексики балтийского происхождения отмечено в говорах.

В памятниках письменности лучше лексически отражена общая структура материальной и социальной жизни балтийских (прежде всего литовского) народов, а в говорах в основном получили отражение разные конкретные стороны их жизни. Так, среди балтизмов в памятниках письменности преобладают такие тематические группы, как: общие понятия, относящиеся к земледелию (около 40 слов), социальная лексика (более 30 слов), термины географического рельефа (70 слов). Здесь полностью отсутствует группа лексики, связанная с просвещением; впрочем имеется небольшая группа слов, отсутствующих в говорах и относящихся к развитию дорожной сети (наименование дорог и пр.). В говорах славянских языков наиболее многочисленную группу лексики составляют экспрессивные слова (более 80 слов), которые почти отсутствуют в памятниках письменности. Большие группы составляют названия растений и их частей (около 40 слов), названия кушаний (около 30 слов), лексика, относящаяся к животному миру (50 слов), бытовая лексика (30 слов), названия орудий труда и их частей (около 40 слов). Можно выделить тематические группы балтизмов, отсутствующие в памятниках письменности. Это лексика, отражающая народные обычаи, связанная с устным народным творчеством (более 20 слов) и с общими понятиями, относящимися к просвещению (около 10 слов).

Анализ тематического распределения балтизмов в общем подтверждает выводы Е. Ф. Карского и других исследователей о том, что среди балтийских заимствований в славянских языках значительно преобладает лексика, связанная с материальной культурой народа. Однако объяснять такую тематическую направленность балтизмов лишь с точки зрения культурного уровня контактирующих народов (как это делает, например, Е. Ф. Карский⁷) — значит упрощенно представлять сложную картину взаимосвязей балтийских и славянских народов. Тематика заимствований зависит от многих причин, и среди них немаловажную роль играют способы и пути проникновения заимствований, время заимствования, социальные условия жизни, сферы употребления заимствованной лексики и т. д. Весьма показательным является тот факт, что в лексике русских говоров в балтийском окружении, где имеется возможность не только устного, но письменного воздействия балтийских языков на славянские, появляются заимствования, связанные с культурной жизнью народа. Кроме того, знакомство с более полным списком балтизмов показывает, что среди них сравнительно много места занимают и другие тематические группы (группа социальной лексики, лексика, отражающая фольклор и народные обычаи, явления природы, экспрессивная лексика и т. д.).

⁷ Е. Ф. Карский, указ. соч., стр. 23.

*

Для составления списка славянских слов, которые в разное время и разными исследователями были признаны балтизмами, первоочередное значение имеет вопрос об объективных критериях выделения балтизмов в славянских языках. Попытки определения таких критериев уже делались и раньше, но при этом обычно либо они смешивались с другими явлениями (например, критерии и способы проникновения слов)⁸, либо внимание уделялось лишь какому-нибудь одному критерию⁹. Результаты исследований М. Фасмера, Э. Френкеля и других ведущих этимологов показывают, что при выделении балтизмов в славянских языках можно говорить о следующих основных критериях: фонетическом, морфологическом, словообразовательном, семантическом, этимологическом, лингвогеографическом, историко-этнографическом. Использование этих критериев позволяет выделить в славянской (главным образом, диалектной) лексике целый ряд балтизмов, до сих пор не привлекавшихся к исследованию.

1) На основе фонетического критерия можно отнести к балтизмам русск. (псковск., см. картотеку Псковского областного словаря) *ўдра* «выдра» ← литов. *ūdra* «то же» (точным фонетическим соответствием литовского слова является русск. (*в*)*ыдра*). С учетом того, что в исконно славянских словах сочетание **ke-* обычно дает *če-*, можно выделить такие балтизмы, как белорусск. *каўляць* (точное значение неизвестно, слово дано в контексте) ← литов. *kiāuliotis* «поступать по-свински; скитаться, шататься», русск. *кяўрка* ← литов. *ketūrka*. Специфическое балтийское сочетание *-aur-* легло в основу установления балтийского происхождения белорусск. *чайпці* «болтать вздор» — литов. *čiāupti* «то же» и т. д. Однако применение фонетического критерия при обосновании балтийского происхождения ряда славянских слов осложняется тем обстоятельством, что результаты фонетической субституции в процессе заимствования нередко совпадают с обычными фонетическими соответствиями в исконно родственных словах. Например, литов. *rāgas* и русск. *рог* — это слова генетически родственные, литов. *pyrāgas* — славянское заимствование (ср. русск. *пирог*), а русск. *кови* — балтийское заимствование (ср. литов. *kaušas*). Таким образом, соотношение слав. *o* — балт. *a* оказывается типичным для исконно родственных слов, для балтийских славизмов и для славянских балтизмов. Поэтому в каждом отдельном случае вывод о балтийском происхождении анализируемого слова должен опираться на всю совокупность перечисленных критериев. Тем не менее фонетический критерий является одним из основных при выделении славянских балтизмов.

2) Морфологический критерий с успехом может применяться в тех случаях, когда налицо морфологические особенности балтийских языков, т. е. когда сохранена прежде всего специфическая балтийская флексия. Чаще всего мы сталкиваемся с сохранением флексии *-as, -is, -(i)ai* (мн. ч.). Особым случаем заимствования является белорусск. *дырда* «мальчик-шалун, вышедший из детского возраста и бегающий в коротких штанишках», *дырда* «девочка-шалунья, вышедшая из детского возраста и бегающая в короткой рубашке». Флексия *-as* в славянских языках может иметь не только балтийское происхождение. Но в данном случае сохранено и специфически балтийское противопоставление мужского и женского рода с помощью флексий *-ac* и *-a*. И хотя в балтийских языках сохранился лишь антропоним *Dirda* наличие у белорусского сло-

⁸ См.: А. А. В я р ж б о ў с к і, Балтизмы ў беларускай мове (метадалогія і крытэрыі даследавання), «Весті АН БССР», Серыя грамадскіх навук, 1959, 2.

⁹ «Лексічныя балтизмы...», стр. 24, 33, 45 и др.

ва грамматических отношений с формальными показателями литовского языка — факт весьма убедительный, говорящий в пользу литовского происхождения исследуемого слова.

3) Применение словообразовательного критерия дает возможность говорить о балтийском происхождении русск. (псковск.) *арѹба* «пахота» ← литов. *arŭba* «то же». Суффикс *-īb(a)* с долгим *ī(y)* характерен лишь для балтийских языков. В славянских языках этот суффикс вообще не встречается, здесь ему соответствует суффикс *-ьб(a)*¹⁰ (ср. исконно славянское *орьба* «пахота»). Наличие специфического литовского суффикса *-ienė* для образования названий пищи говорит о литовском происхождении таких слов, как польск. *łapienia* «суп из щавеля или листьев свеклы» (← литов. *lapiėnė* «то же»). Этот же суффикс представлен в широко известном балтизме польск. *rougienia*, белорусск. *раўгэнія*, русск. *рявгэнья* «солодовая каша; кислые щи» (← литов. *raugiėnė* «закваска»).

4) Типичным примером использования семантического критерия может служить случай с польск. *miśla* «загадка». С таким значением слово *мысль* (польск. *myśl*) не известно в других славянских языках, но в литовском языке слово *mišlė* имеет единственное значение «загадка», что говорит о литовском влиянии при образовании польск. *miśla* «загадка». Данное предположение может быть подтверждено также и фонетическим обликом польского слова, и ареалом, в котором оно засвидетельствовано.

5) С семантическим критерием тесно связан критерий *э т и м о л о г и ч е с к и й*. Имеются в виду случаи, когда сравнение славянских и балтийских слов как будто говорит об общности их происхождения или об общем третьем источнике. Но при более тщательном анализе оказывается, что слово на славянской почве не этимологизируется, а в балтийских языках оно имеет весьма надежную этимологию и большой круг родственных слов. Этимологический критерий является ведущим в случае русск., белорусск. *лайдак*, польск. *łajdak*, «лодырь, бездельник; негодяй», которые А. А. Потебня, Е. Ф. Карский и др. относили к числу балтизмов. Немецкое происхождение данного слова, принятое, в частности, М. Фасмером, не может считаться правдоподобным. Против этого говорит материал польских говоров, где имеется много слов, не восходящих к немецкой основе *landern* (ср. польск. *łajduś*, *łajdunio* и т. д.). Балтийское происхождение дает правдоподобное толкование как материалу польского языка, так и фонетическим особенностям этого слова (сочетанию *-aið-*, твердому начальному *л-*). В балтийских языках имеется прозрачная этимология литов. *laidōkas* «бездельник; пьяница; растратчик», латыш. *laidaks* «лентяй; увалень», ср. литов. *laidyti* «тратить (деньги); скитаться; бросать», *palaidūnas* «бездельник; шатун; развратник», *laidūs* «мот» и т. д.

При ссылках на этимологический, а также и на семантический критерий необходимо всегда иметь в виду возможность утраты в славянских языках отдельных слов; поэтому всегда желательно наряду с этими критериями привлечение других — фонетического, лингвогеографического и т. д.

6) Использование лингвогеографического критерия особенно широко практикуется в последнее время (см. работы Н. И. Толстого, А. П. Непокупного, В. Урбутиса¹¹). Значение этого критерия особенно возрастает в связи с тем, что он может применяться при исследовании происхождения практически каждого отдельного слова. Суть лингвогеографического критерия применительно к выявлению балтизмов в

¹⁰ А. Мейе, *Общеславянский язык*, М., 1951, стр. 285—286.

¹¹ Н. И. Толстой, *Славянская географическая терминология*, М., 1969, стр. 167—169. См. также названные выше работы А. П. Непокупного и В. Урбутиса.

славянских языках заключается в том, что славянские слова, засвидетельствованные в России (особенно в северо-западных, западных, отчасти — в южных областях), в Белоруссии, Польше и — значительно реже — на Украине, могут оказаться заимствованными из балтийских языков, если они не встречаются в других славянских языках и если, помимо ареала, в пользу заимствования говорят также фонетические, этимологические и другие особенности рассматриваемых слов.

7) И с т о р и к о - э т н о г р а ф и ч е с к и й критерий является скорее вспомогательным; применяется он, к сожалению, крайне редко¹².

Несмотря на неодинаковое значение критериев — кажущуюся важность одних и более узкие сферы применения других — наиболее достоверные результаты могут быть получены при последовательном к о м п л е к с н о м их использовании.

Изучение балтизмов в славянских языках еще далеко от своего завершения, так как привлекаемый к исследованию новый диалектный материал славянских языков является важным источником выявления новых балтизмов. В области изучения балтийской и славянской лексики еще не разработана методология исследования результатов древнейших балто-славянских языковых контактов; все же анализ доступного материала может быть полезным для раскрытия самого механизма балто-славянских обоюдных заимствований древнейшей поры. В этом плане изучение даже самых поздних заимствований может сыграть значительную роль при решении важнейших вопросов балто-славянского этногенеза и балто-славянских языковых отношений древнейшей поры.

¹² Например, весьма полезным может оказаться свидетельство археологов о том, что *шчло* (столб) явилось основным конструктивным элементом наземных жилищных построек балтийских племен («Очерки по археологии Белоруссии», Минск, 1970, стр. 189). Для более широкого применения историко-этнографического критерия плодотворной представляется инициатива Ленинградского отделения Института языковедения АН СССР, организовавшего в феврале 1971 г. совместную научную конференцию языковедов и этнографов. См.: «Ареальные исследования в языковедении и этнографии (Тезисы докладов и сообщений)», Л., 1971.